

УДК 94(47):338.45

ББК 63.3(2)5-202

РОССИЙСКИЙ ОПЫТ ОСВОЕНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ В РОССИИ XVIII–XIX ВЕКОВ

Г.Л. Цельник, Е.С. Костенко

Предпринят анализ российского опыта освоения инноваций российским обществом, взятый в историческом срезе. Как конкретное проявление такого опыта в статье рассматривается соотношение между изменениями в российском государстве в XVIII–XIX вв. и развитием форм негосударственной собственности, прежде всего – интеллектуальной промышленной собственности, формирование которой в XIX в. совпадает с бурным этапом «капитализации» российского общества.

Ключевые слова: интеллектуальная промышленная собственность, «капитализация» российского общества, исторический срез, общество и производство, инновационный потенциал.

Несмотря на значительный опыт рассмотрения интеллектуальной (промышленной) собственности в России, «контекст» ее формирования в российском обществе до сих пор остается системно не раскрытым. Сюда входит не только анализ социальной составляющей изобретательства, но и те трансформации в обществе, через которые инновационное содержание интеллектуальной промышленной собственности может быть освоено российским обществом, стать одним из его ценностных ориентаций.

В связи с этим особое значение приобретает анализ российского опыта освоения инноваций, взятый в историческом срезе.

Решение этой проблемы и сегодня актуально для нашего государства. Именно поэтому приобретает значение анализ опыта модернизации российского общества, который происходил в XVIII–XIX вв. и выражал логику постепенной «капитализации» страны внутри ее феодально-крепостнических отношений, изменение и вытеснение этих отношений под воздействием новых социальных факторов и инновационных процессов. Важным обстоятельством этих преобразований является становление института интеллектуальной собственности, фиксирующего значимость для общества новейшей продукции, в связи с этим и выстраиваются соответствующие общественные отношения. Исторический опыт модернизации российского общества под воздействием технических инноваций, развития предпринимательства и др. направлений экономической деятельности сегодня должен

стать одним из оснований разработки современной методологии модернизации общества как важнейшего условия всех остальных преобразований.

Для России важнейшим способом осуществления общественных изменений стали государственные реформы, принуждающие разные слои населения осваивать новые условия существования общественной системы и одновременно перераспределяющие место и роль субъектов в реализации заданных изменений. «Реформа, – отмечает А.С. Ахиезер, – планируемые и контролируемые правящей элитой... политические, социальные, экономические, культурные изменения, охватывающие важнейшие параметры общества, которые можно изменить, направленные на повышение социальной энергии общества посредством модернизации, ослабления дезорганизации, преодоления дискомфорта состояния... Реформа – попытка снять социокультурное противоречие посредством внесения в общество правящей элитой соответствующих культурных идей... более высокой эффективности деятельности, так и одновременно соответствующих социальных отношений, например освобождение крестьян от давления сверху» [1, с. 295–296].

Реформы, таким образом, задают формирование новых структур и условий общественной жизни. Однако они «реагируют» на уже назревшие противоречия, которые государство разрешает через переброску огромных людских, финансовых, технических и других ресурсов для трансформации различных подсистем общества. Само же созревание этих противоречий происходит «незаметно», через повседневный процесс социально-экономических отношений. Именно потому, что эти противоречия выражены неявно, их стихийное накопление приводит к огромной стоимости реформ, которые пытаются решать давно запущенные проблемы.

Еще одной стороной проблемы интеграции социального и производственно-экономического является возможность выделения здесь разных уровней и направлений, которые требуют своего регулирования.

Все это необходимо учитывать при анализе тех изменений в обществе, которые про-

исходили в России в XVIII–XIX вв., выделяя этапы капиталистических элементов и форм хозяйствования, которые были выгодны государству прежде всего тем, что давали более высокую производительность труда и, соответственно, прибыль. Необходимым условием формирования указанных элементов стало *развитие форм собственности*, которая явилась основой выделения полномочий и статуса новых субъектов экономической деятельности, как и изменения форм последней.

Именно собственность выделяет то «определенное пространство, где человек волен распоряжаться свободно и независимо», а потому вполне очевидно, что «наличие своего собственного “вещного царства” делает личность относительно независимой от общества, формирует обособленный интерес и затрудняет внешнее управление подобными “экономическими атомами”». Собственник обладает некоторой частью поля власти и способен осуществлять контроль за действиями государства» [2, с. 40–41].

Собственность формирует политически-правовое, экономическое и социальное обособление социальных субъектов, раскрывает пространство их бытия и взаимодействия и тем самым вносит в общество момент динамики, необходимые трансформации. Изменяя сознание, мировоззрение и ценностные ориентации субъектов, собственность воздействует – прямо или косвенно – и на качество самого общества, меру его динамичности.

Чем более развитыми и многообразными становятся отношения и формы собственности в обществе, тем больше внутренних изменений происходит в его социальной сфере. В свою очередь, это обуславливает раскрытие больших возможностей для развития самого производства. Встраиваясь в общество на общей системно-функциональной основе, значимую форму своего *социального проявления* собственность приобретает на уровне институтов, которые объективируют «пространственные» характеристики социально-исторического времени и тем самым обеспечивают его освоение современниками. Раскрывая особенности связей между институтами и временем, Д. Норт замечает, что «институты задают структуру стимулов, действующих в обществе, поэтому полити-

ческие и экономические институты определяют собой характер функционирования экономики. Время же, применительно к развитию экономики и общества, – это особое измерение, процесс человеческого познания, обуславливающий эволюцию институтов, мировоззрение отдельных людей, групп и сообществ, обуславливающее их выбор, является итогом такого познания, протекающего во времени» [5, с. 89].

Именно распространение таких «объектов» и развитие на них спроса общества, динамика которого заметно возрастает на протяжении почти всего XIX в., определили прорыв России в этот период не только в искусстве и литературе, но и в науке, обозначив высокий статус ученого, изобретателя, инженера. Этот высокий статус – важное проявление внутренних изменений социума, которое происходило в XVIII–XIX вв. под воздействием экономических и правовых изменений.

Развитие правоотношений интеллектуальной промышленной собственности и соответствующее изменение качества общества обуславливают связь между этими процессами, которую необходимо исследовать. Можно предположить, что становление интеллектуальной собственности как особого института открывает новое внутреннее измерение общества, в котором время начинает господствовать над пространством, что, в свою очередь, проявляется в росте свободы личности и появлении интереса общества к инновационной деятельности, неосуществимой в рамках феодального строя.

Итак, интеллектуальная собственность как право создания и владения невещественными продуктами начинает выделять и формировать новую ценностную установку в российском государстве – признание инновационного интеллектуального труда, на основе которого повышает свой социальный статус научно-техническая и художественная интеллигенция. Все это обуславливает формирование нового информационного пространства: возникает и расширяется объем газетно-журнальных изданий, в которых формулируются новые общественные идеалы, идет переоценка ценностей и воспитывается самосознание российского общества. Создается особый

тип личностного служения общественным идеалам – русская интеллигенция, которая становится наиболее активным слоем в российском государстве, вынашивая разные программы его модернизации и частично их осуществляя.

В социальной сфере начинают функционировать институты и передовые слои общества, ориентированные на поиски более эффективных форм хозяйствования, на рост пространства экономической деятельности и свободы. Так, в передовом общественном сознании начинают утверждаться ценности технологического обеспечения производства, принципы роста его производительности, что явилось результатом «капитализации» российского общества, где среди прочих факторов заметную роль играет освоение интеллектуальной собственности. Данная собственность представляет собой «совокупность исключительных прав личного и имущественного характера на результаты творческой и иной интеллектуальной деятельности и на приравненные к ним объекты, перечень которых устанавливается законодательством соответствующей страны с учетом принятых международных обязательств» [7, с. 382].

Что же такое промышленная интеллектуальная собственность как социальный, культурный, правовой и экономический феномен? Это некоторая *идеальная (невещественная) продукция, которая наиболее существенно «моделирует» все основные связи и отношения, которые возникают в промышленной системе.* Таким образом, интеллектуальная продукция и ее правовое регулирование выступают особой «матрицей» промышленного общества в рамках традиционных отношений. Логика освоения такой матрицы и стала особым направлением социальных трансформаций в России в XVIII–XIX веках.

Рассмотрим, в каких формах это инновационное свойство стало внедряться в российское общество, начиная с петровских реформ, и какие новации стали «ответом» российского общества на все те «вызовы», в форме которых государство впервые стало осознанно осваивать новые экономические виды хозяйствования. Это стало необходимым для получения тех ресурсов, без кото-

рых реформы (то есть огромные затраты государства на преобразования) не могли бы осуществиться.

Отношения между государством и хозяйствующими субъектами на этой основе стали возникать через практику раздачи государством привилегий – особых прав на беспошлинную торговлю и ведение промыслов, которые получали с конца XVII в. посадские люди, представители купечества.

Привилегии стали одной из первых форм экономического стимулирования со стороны государства, началом развития партнерских отношений между государством и субъектами. В условиях тотального крепостничества и государственного абсолютизма это был огромный шаг вперед, так как здесь началось развитие *самостоятельной* (не предписанной регламентом) хозяйственной деятельности, ориентированной на прибыль. Закрепление субъектов за выполнением такой деятельности обеспечивалось монопольным правом на нее.

К началу XVIII в. привилегии приходят в промышленность: владельцам предоставляется монопольное право на создание новых мануфактур, торговлю новопроизведенными товарами, разработку полезных ископаемых. Конечно, здесь еще нет собственно «интеллектуального продукта» как такового, поскольку отсутствие развитой промышленности еще не смоделировало его «образ» – изобретение, модель, рационализаторское предложение и т. д. Однако и в этих условиях появляются первые значительные изобретения: токарный станок Нартова, паровоз Черепанова и др., которые, конечно, еще не имели промышленного значения, не были запатентованы и т. д. Однако привилегии показали эффективность свободной экономической деятельности – самого права на такую свободу – для развития хозяйства. Уже здесь экономическая свобода (весьма относительная) оказывалась гораздо производительнее подневольного принудительного труда.

На этой основе развиваются первые формы предпринимательства (вложение купеческого капитала, развитие промыслов и др.), что формирует основу для разработки сословного права в период правления Екатерины II и в дальнейшем – предоставления дворянству

«Жалованной грамоты» (1785), на основе которой оно становилось свободным сословием, получившим право не находиться на государственной службе. Дворянство приобрело такие экономические привилегии, как монопольное право на владение землей с крестьянами, право на торговлю и разработку недр и промышленное предпринимательство.

Для развития предпринимательства большое значение имело издание «Грамоты на права и выгоды городам Российской империи». Городское общество рассматривалось как юридическое лицо, пользующееся корпоративными правами, главным из которых было право самоуправления. В качестве гласных в городской думе были представители шести разрядов городского населения – владельцев городской недвижимости, купцов трех гильдий, городских ремесленников, русских и иностранных специалистов, «именитых граждан» – коммерсантов, интеллигенции и др. Грамота значительно расширяла пространство партнерских экономических отношений между государством и обществом.

В этот период также начинается «институционализация» инновационной направленности хозяйства. Так, в 1765 г. было создано Вольное экономическое общество, предназначенное для популяризации передовых агрономических знаний и содействия помещицкому рационализаторству. Повышение статуса знаний и инновационной деятельности осуществлялось в контексте идей Просвещения, которое исходит из принципа разумности и естественности эгоистических интересов индивидов, направленных на рост их благосостояния.

Укреплению интеллектуальной промышленной собственности способствует формирование патентного права – «совокупности правовых норм, регулирующих личные неимущественные и связанные с ними имущественные отношения, возникающие в связи с созданием, правовой охраной и использованием изобретений, полезных моделей и промышленных образцов – объектов промышленной собственности» [7, с. 722].

Уже в конце XVII – XVIII в. в России начинают формироваться такие важные принципы патентного права, как территориальность и исключительность. Привилегии охватывают

часть социально-географического пространства, в котором начинается какой-либо промысел (добыча руды, соли и т. п.) вместе с необходимой для него инфраструктурой. Патентное право связывает интеллектуальную собственность со статусом ее владельца, что, конечно, дает значительный импульс для трансформаций общества, открывающих формы освоения технических инноваций.

Переход практики предоставления привилегий в более строгие формы закона происходил через уточнение самого предмета регулирования. Так, уже в середине XVIII в. в привилегии, выданной купцам Сухареву и Беляеву на устройство завода по выпуску краски, начинают проступать основы патентного права, то есть принцип защиты государством «секрета» изобретения, который и начал оформляться в элементы патентного права.

Однако развитию патентного права препятствует сохранение крепостничества и отсутствие реальной промышленной основы производства. Не случайно поэтому, что за весь период XVIII в. по 1812 г., когда впервые был принят в России Закон «О привилегиях на разные изобретения и открытия в художествах и ремеслах», утвержденный Александром I, было выдано всего 79 привилегий.

Весьма характерно, что одной из важных причин, тормозивших развитие патентного права, явилось отсутствие соответствующей промышленно рационализированной среды. Так, в подготовке Манифеста «О привилегиях на разные изобретения и открытия в ремеслах и художествах» [6], подписанном 17 июня 1812 г. и являющимся первым в России патентным законом, широко обсуждалось понятие «привилегии». Главной проблемой было выделение свойств той собственности, которая и обеспечивалась предоставлением такой привилегии (на новый способ организации производства, изобретение и др.). Эта проблема широко обсуждалась и позже. Так, в разработке Государственным советом новой версии патентного права, принятого в 1833 г., были внесены такие уточнения по содержанию привилегий, как: краткий срок их предоставления; высокие пошлины, которые за них взимаются; запрещение переуступать привилегии; предварительное рассмотрение

изобретения; отказ от рассмотрения, если заявки на одно и то же изобретение подают разные люди; и прочее. Таким образом, юридическое «конструирование» условий, выражающих предоставление привилегий, означало, что общество еще не освоило интеллектуальную промышленную собственность из-за низкого уровня самого промышленного производства.

По мере расширения коммерческой деятельности, роста числа фабрик в России начинают оформляться более конкретные требования к продукту интеллектуального труда. Так, новый проект Положения о привилегиях, который был утвержден в 1833 г., включал уже понятие «промышленная применимость». Здесь начинает формироваться понятие «полезные изделия», которое имеет статус изобретения или технического новшества. Значение данных понятий в том, что они связывают промышленное производство с инновационной функцией, которая раскрывает «производительность» интеллектуальной деятельности.

Соответственно, расширяется суть учебных заведений, в которых готовятся технические специалисты, мотивированные на рост научно-технических достижений, расширение знаний. Однако здесь значительно обостряется противоречие между инновационной направленностью промышленного производства, выступающего основой веры в технический прогресс передовых слоев российского общества, – с одной стороны, и крепостным правом, которое сковывает возможности передового производства, – с другой.

Активное «конструирование» нового социума было формой сплочения всех передовых сил российского общества и поляризацией политических интересов и движений. Начавшись в первой половине XIX в., этот процесс проходит через все столетие, завершаясь Февральской и Октябрьской революциями 1917 года. Острая политическая ситуация в стране сохранялась во многом потому, что весь процесс социальной и экономической модернизации не мог подорвать традиционных устоев России как социальной макросистемы, но вместе с тем для своего существования и развертывания он требовал общероссийского масштаба.

Важным направлением жизни общества стало развитие системы технического образования, потребность в котором возрастала с каждым годом, особенно после отмены крепостного права. В.Р. Лейкина-Свирская отмечает: «...капиталистическое развитие страны властно требовало подготовки новых специалистов. Нужно было коренным образом реорганизовывать старые учебные заведения, приспособляя их к требованиям времени, создавать новые, расширять диапазон специальностей... Демократическое студенчество наполнило технические вузы. Формирование технических кадров в каждой области расширялось, темпы его ускорялись. Однако русская монархия унаследовала от крепостной эпохи недооценку технического образования; она скупилась на средства, задерживала организацию новых учебных заведений... Особенностью учебных программ технических вузов, выработавшихся в период 70–80-х годов, был чрезвычайный универсализм. Это исторически определялось уровнем тогдашней промышленности, где концентрация производства далеко не поглотила еще массы мелких и средних фабрик... До какой-то поры это отсутствие более глубокой научной и технической специализации инженеров не ощущалось, но к концу века оно стало признаком технической отсталости» [4, с. 112–113].

Поражение России в Крымской войне и последующая отмена крепостного права подготавливают значительное расширение социальной базы для производства и освоения промышленных инноваций. Впервые все сословия получают свободу и общее правовое регулирование. Промышленность, которая начинает бурно развиваться, не только привлекает свободную рабочую силу, сформировавшую рынок труда, но и оформляет новый заказ на развитие интеллектуального промышленного изобретательства. Его юридическим выражением становится принятый в 1879 г. Закон «Об изменении порядка делопроизводства по выдаче привилегий на открытия и изобретения». Новым здесь было то, что выдача привилегий из свободной законодательной функции превращается в связанную деятельность административного органа, что значительно улучшает «технику» патентного оформления изобретений и стимулирует их рост.

В условиях колоссального промышленного преобразования страны – строительства железных дорог, новых фабрик, роста городов – техническое творчество приобретало значение важнейшей стратегии, необходимой для дальнейшего развития общества.

В этом контексте изобретательство и техническое творчество, которые фиксируются и закрепляются интеллектуальной промышленной собственностью, выступают своеобразным производством именно техногенной среды, в которой воплощается рационально-научное мышление и способы действий. Всякое изобретение можно рассматривать не только как полезное изделие, или модель, но и как совокупность определенных технологий или схем действий, поскольку такое изделие может быть переведено в формы действий и через это встроено в промышленное пространство производства. Но техническое изобретение является также способом раскрытия и освоения возможностей такого технического рационального пространства, так как здесь обязательно находятся новые и новые способы его рационализации и оптимизации.

Техническое творчество показывает, что сам способ существования технического промышленного пространства является внутренне инновационным. Именно это свойство показывает его внутреннюю связь со своим временем: последнее становится способом технического преодоления пространства, то есть постоянным уменьшением его функции дистанцирования, отдаления. Техническое пространство лишь со своей внешней стороны выступает как некая территория. По существу, оно выступает внутренним проводником производственных инновационных процессов, за счет которых повышается производительность, эффективность и доходность самого производства, которое всегда существует как источник и средство получения прибыли, прибавочной стоимости. Поэтому любое техническое новаторство выступает как средство «снятия» собственных параметров пространства территории, то есть как конструирование искусственной рационально выраженной среды в органическом пространстве природы, географической среды. Особое значение здесь имеет изобретение и применение телеграфа, радио, а также новых средств транспорта.

В этом плане борьба за скорость – одно из направлений технического новаторства промышленного производства.

Л.В. Кошман по этому поводу писал: «В XIX в., помимо почты, уже известной в прошлые века, появились и новые средства информационной связи – электромагнитный телеграф и телефон. Создание электромагнитного телеграфа было одним из центральных событий в развитии техники XIX в. В 1832 г. российский ученый П.Л. Шиллинг создал первый телеграфный аппарат, пригодный для практического применения... Практическое применение электромагнитного телеграфа началось в 40-е годы. В России первоначально, как и в других странах, телеграф использовался для государственной связи.

Первая телеграфная линия для общего (частного) пользования начала действовать в 1852 г. Между Москвой и Петербургом... В пореформенное время выросла протяженность телеграфных линий с 30 тыс. км в 1860 г. до 133 тыс. км в 1893 году. Телеграф, благодаря скорости сообщений, стал объединять отдаленные районы страны. К концу столетия телеграф существовал не только в крупных губернских центрах, но и в 95 уездных городах, 517 значительных поселениях, включая Сибирь.

Помимо своего прямого назначения как средства быстрой передачи сообщений: правительственных, коммерческих, сугубо частных, – телеграф служил и для целей научных. В телеграфную сеть были включены все обсерватории для передачи метеорологических сводок, прогноза погоды, необходимых для морских портов, научных астрономических исследований» [3, с. 49–50].

Телеграф стал техническим средством сокращения реального пространства, неслыханным прежде по скорости его преодоления. Еще одним таким средством стал телефон, который появился и получил распространение в России в последние два десятилетия XIX века. «В 1882 г. телефонная связь начала действовать в Москве, Петербурге, Одессе, Риге. В течение 80-х годов телефон появился в губернских и уездных городах – Казани, Астрахани, Саратове, Ростове-на-Дону, Курске, Воронеже, Таганроге, Симферополе и др.

Создаваемая в городах телефонная сеть общественного пользования с самого начала

была государственной монополией... В России в конце XIX в. подавляющее большинство телефонных линий было правительственными (свыше 5 тыс.) и только 850 – частными» [3, с. 51–52].

Таким образом, крупнейшие технические изобретения на основе научных открытий создавали особую техногенную среду, которая объективно интегрировала страну в единое пространство, формировала необходимые функции и способы связи в этом пространстве. Все это было проявлением новой промышленной культуры, которая стимулировала и развитие необходимых социальных институтов.

В этот период, как, возможно, никогда позже, общество спланируется на основе инновационных ожиданий, веры в огромные возможности технического прогресса. Возникает гражданский патриотизм: земства развивают бурную деятельность по благоустройству территорий, созданию школ, больниц; интеллигенция чувствует огромную моральную и гражданскую ответственность за положение народа, крестьянства. Возрастает ценность науки, возникают многие ценные изобретения, важные для развития промышленности (в химии, физике, механике), происходит сдвиг в разработке технологий для применения в промышленности, строительстве, транспортной системе.

Общая демократизация общества привела к тому, что упразднился прежний порядок, в котором выдача привилегий ставилась в зависимость от усмотрения чиновников, которые могли и отказать в предоставлении привилегий. Теперь привилегии стали предоставляться упрощенным порядком в соответствии с технической визой одного только министра финансов. Таким образом, государство значительно расширило пространство партнерских отношений с обществом, создавая возможности новых социальных слоев для самостоятельной экономической деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахиезер, А. С. Россия: критика исторического опыта. В 3 ч. Ч. 3 / А. С. Ахиезер. – М.: Изд-во ФООСССР, 1991. – 470 с.

2. Ивлева, Г. Ю. Происхождение и этапы развития собственности / Г. Ю. Ивлева // *Собственность в XX столетии*. – М. : СОССПЭН, 2001. – 960 с.

3. Кошман, Л. В. Город в общественно-культурной жизни / Л. В. Кошман // *Очерки русской культуры XIX века : в 2 кн. / Л. В. Кошман*. – М. : МГУ, 1998. – Кн. 1. – 638 с.

4. Лейкина-Свирская, В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века / В. Р. Лейкина-Свирская. – М. : Мысль, 1971. – 368 с.

5. Норт, Д. Функционирование экономики во времени / Д. Норт // *Отечественные записки*. – 2004. – № 6. – С. 89.

6. Пиленко, А. Право изобретателя. Привилегии на изобретения и их защита в русском и международном праве : историко-догматическое исследование. В 2 т. Т. 1 / А. Пиленко. – СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1902. – 495 с.

7. Юридическая энциклопедия / под ред. акад. Б. Н. Топорина. – М. : Юрист, 2001. – 960 с.

RUSSIA'S EXPERIENCE OF LEARNING THE INTELLECTUAL INDUSTRIAL PROPERTY IN RUSSIA, 18–19th CENTURIES

G.L. Tselnik, Eu.S. Kostenko

The article analyzes Russia's experience of learning the innovations by the Russian society in the historical aspect. As a concrete demonstration of such experiences the article studies the balance between changes in Russia in the XVIII–XIX centuries and the forms of the development of the non-state ownership, and the intellectual industrial property, in particular, the formation of the latter coincides with the rapid period of «capitalization» in the Russian society in the 20th century.

Key words: intellectual industrial property, «capitalization» of Russian society, historical aspect, society and production, innovative potential.